

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'23 + 81'25

ПСИХОЛИНГВИСТИКА И ПАРЕМИЯ: К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ

Л.Б. Кацюба

PSYCHOLINGUISTICS AND PROVERBS: ON THE PROBLEM OF CONCEPT CORRELATION

L.B. Katzuba

Выявлена психолингвистическая природа паремий. В соответствии с существенными вопросами психолингвистики паремии рассматриваются как факт языкового сознания.

Ключевые слова: психолингвистика, паремия, языковое сознание.

The article deals with the psycholinguistic nature of proverbs. In terms of psycholinguistics proverbs are regarded as facts of language consciousness.

Keywords: psycholinguistics, proverbs, language consciousness.

Современная лингвистическая наука активно разрабатывает паремиологическое направление в русле фразеологии (А.Г. Балакай, В.Н. Телия, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, В.П. Жуков, К.А. Жуков, Р.Х. Хайруллина, С.И. Георгиева), семантики и лексикологии (С.Г. Воркачев, Л.Б. Савенкова, Ю.Т. Листрова-Правда, О.П. Альдингер, И.Б. Серебряная, R. Neal Norrick), грамматики, текста (З.К. Тарланов, А.В. Субботина, M. Nováková), лингвокультурологии (Ф.Ф. Фархутдинова, С.Г. Воркачев, Л.Б. Савенкова, Ю.Е. Прохоров, Н.Н. Семенов, Е.В. Кухарева, А.А. Свинцова), а также общей теории идиоматики (Д.О. Добровольский, А.А. Баранов, В.М. Савицкий, И.Г. Вражнова) и других направлений.

В последние десятилетия паремии являются объектом многих лингвистических исследований, особенно когнитивных (Н.Ф. Алефиренко, Г.В. Токарев, С.В. Сидорков, И.В. Привалова, Б.Т. Кашарок, Э.Р. Сайфуллина, А.Л. Белецкая, В.А. Воропаева, Н.Н. Семенов, Е.И. Селиверстова, И.В. Горбань, Е.В. Маркелова, W. Mieder, L. Shirley Arora, F. Nuessel, R. Neal Norrick и др.). В заявлении о выполненных в когнитивном ключе работах мы употребляем термин **когнитивный**, относя его к терминологии когнитивной парадиг-

мы знания, и вслед за Е.С. Кубряковой рассматриваем когнитивную науку как многоаспектную, «представленную целым рядом достаточно различающихся между собой школ», которые, «несомненно, объединяет стремление дать языковым фактам и языковым категориям психологическое объяснение и так или иначе соотносить языковые формы с их ментальными репрезентациями и с тем опытом, которые они в качестве структур знания отражают»¹. Проведенный нами обзор отечественных и зарубежных работ последних десятилетий позволяет сформировать представление о современных тенденциях исследовательского вектора в паремиологии нового времени.

Разноаспектное изучение паремий в области семантико-грамматической и лингвокультурологической природы продиктовало нам необходимость исследования психолингвистической сущности этих единиц. Переход воззрений на новый, когнитивный уровень всегда усложняет задачи. В онтологическом аспекте паремия рассматривается нами как форма реализации языковых и в том числе паремиологических возможностей носителей языка, что позволяет, в свою очередь, исследовать паремии как факт языкового сознания, изучить их природу, структуру, функции и т. д. Под этим уг-

---

Кацюба Лариса Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры культуры речи и профессионального общения, ФГБОУ ВПО «ЮУрГУ» (НИУ) (г. Челябинск). E-mail: larrakatz@yandex.ru

---

Larisa B. Katsyuba, Candidate of philological sciences, assistant professor, Department of Speech Culture and Professional Communication, South Ural State University. E-mail: larrakatz@yandex.ru

лом зрения паремии выступают как продукт культуры, как часть языка, как знание, усвоенное носителями языка в результате культурно-социального опыта. Перефразируя слова Ю.Н. Караулова, скажем, что сегодня нас интересует паремия как хранитель «знаний о мире, вместилищем которых является «языковое сознание» носителя»². Данная точка зрения укладывается в теоретические положения о понимании психолингвистики как науки, «предметом которой является отношение между системой языка (языком как предметом) и языковой способностью»³, на которые мы опирались. Отметим, что психолингвистическое исследование паремий обусловило выявление отношений между паремией как единицей языка (ее языковой сущностью: частью системы, структурой, функциями и т. д.) и паремиологической потенцией носителя языка (способностью к сохранению, передаче, воспроизведению, использованию в речи и даже порождению паремиологического материала).

Как показали наблюдения за ходом решения терминологических проблем в паремиологии, без определения лингвистического статуса паремий не обходится ни одно серьезное исследование. Однако постоянное обращение к данной теме не делает вопрос до конца разрешенным и единообразно выраженным. По справедливому замечанию В.М. Мокиенко, «статус паремий разного типа и их терминологическая и классификационная интерпретация постоянно обсуждаются и будут обсуждаться...», «ведь теоретически возможен самый широкий взгляд на определение паремии – от образной лексемы до законченного воспроизводимого текста»⁴. Добавим, что это разнообразие мнений и дефиниционных представлений паремии зависит от того, какой спектр онтологических признаков паремии рассматривает исследователь и ставит во главу угла.

Выявляя психолингвистическую природу паремий, мы опирались на определение психолингвистики как науки «о закономерностях комплексного многоаспектного моделирования речевой деятельности», данное А.А. Леонтьевым⁵. Ученый отмечал, что современные трактовки языковой способности и речевой деятельности постоянно меняются, но такая дефиниционная динамичность обусловлена уточнением определения самого языка, который в психолингвистическом преломлении «теперь трактуется в первую очередь как система ориентиров, необходимая для деятельности человека в окружающем его вещном и социальном мире»⁶. Исходя из этого, современное определение предмета психолингвистики звучит так: «Предметом психолингвистики является соотношение личности со структурой и функциями речевой деятельности, с одной стороны, и языком как главной «образующей» образа мира человека, с другой»⁷. Как видно из приведенного определения, психолингвистика пронизана идеей многогранности и многоаспектности, в которой активным «участни-

ком» процесса познания выступает триада «партернов»: **личность с языковой способностью, речевая деятельность** как продукт языковой личности, **язык** как уникальная система выражения образов, опираясь на которую **языковая личность реализует языковую способность через речевую деятельность**.

Понимание психолингвистики западными учеными лежит в русле теории о психологии языка и имеет свою специфику. Например, в энциклопедии «Британника» («The New Encyclopaedia Britannica») психолингвистика определена как «учение о психологических аспектах языка. Экспериментальные исследования таких тем, как краткосрочная и долгосрочная память, стратегии восприятия, восприятие речи базируются на лингвистических моделях как части этой дисциплины»⁸. В статье упоминается о том, что процессы овладения речью одинаково интересны для психологии и лингвистики: «учение об овладении языком детей важно для интересов психологов в процессах познания и обучения и для лингвистов для понимания, что это может сказать о структуре языка»⁹.

Автор обзорной статьи по психолингвистике М.А. Гарман (M.A. Garman) в Оксфордской «Энциклопедии языка и лингвистики» («The Encyclopedia of Language and Linguistics») расширяет взгляд на проблему и указывает на междисциплинарное поле отношений психолингвистики, которая связана с когнитивной семантикой, философией языка, психологией, лингвистикой и специальными речевыми дисциплинами, такими как фонетика, описывает современные направления и точки отсчета этой науки, а также называет имена ученых, в разное время занимавшихся проблемами психолингвистики. В своем обзоре М.А. Гарман определяет круг вопросов и задач, которые призвана решить современная психолингвистика: «Наука психолингвистика имеет отношение к языковым возможностям языка в индивидуальном отношении и формируется вокруг таких вопросов: Как слушающий получает сообщение из речевого сигнала и/или письменного текста? и Как говорящий выражает мысли с помощью артикуляции или графических предложений?.. В поиске краеугольных камней психолингвистики можно рассмотреть следующее: взаимодействие между мышлением и языком, природу языкового сигнала, который передается и получается»¹⁰.

Терминологически психолингвистическое знание автор статьи оформляет в традиционных категориях, упоминавшихся и в исследовании А.А. Леонтьева: психолингвистические процессы, языковое производство, языковой сигнал, сообщение, слушающий/говорящий, процессы кодирования/декодирования. Как замечает М.А. Гарман, «психолингвистика в этих терминах – это взаимодействие между «знанием чего» (например, отно-

*Здесь и далее, где цитируются тексты не на русском языке, перевод автора статьи.

шениями значащих форм), и «знанием как» внедрить это знание в обстановку реального времени»¹¹. Главной темой психолингвистического обзора выступает идея реализации мыслительных и речевых процессов говорящим и слушающим, особенно ее биологическая, точнее, физиологическая составляющая. Выявить **экспериментально основу речевой или лингвистической компетенции** – вот задача психолингвистики.

В монографическом труде «Психолингвистика» Томас Сковел (Т. Scovel) приравнивает психолингвистику к психологии языка, говоря, что термины эти синонимичны. Речь и язык, по мнению автора монографии, являются свидетельствами уникальных возможностей человека, которые в последние 50 лет приблизили ученых к ответам на вопросы о структуре мозга. Т. Сковел дает следующее определение психолингвистики: **«использование языка и речи как окна в природу и структуру человеческого разума** названо психолингвистикой», подчеркивая при этом, что языку и речи в своей работе отводит не первое место: «огромное большинство информации и свидетельств, цитировавшихся здесь, будет иметь дело с языком и речью; однако поучительно запомнить, что эта книга не предисловие к науке о языке, лингвистике, но вступление в **психологию языка**... Хотя звуки, слова и предложения служат примерами в этой книге, они сами не центр нашего внимания; **они функционируют как окна в разум**». Сложность, по мнению Сковела, заключается в том, что **«лингвистическая информация будет только окказионально обеспечивать ясность и прозрачные перспективы того, как функционирует мозг»** (везде выделено нами – Л.К.)¹².

Итак, краткий обзор мнений современных европейских и американских исследователей о предмете психолингвистики позволяет нам выбрать собственную позицию, так называемую платформу, в отношении определения психолингвистики и в соответствии с этим представить размышления по поводу права паремии как факта языкового сознания обрести свой психолингвистический статус.

Опираясь на теоретическую концепцию А.А. Леонтьева о соотношении психолингвистики и языкознания, попытаемся проследить точки соприкосновения психолингвистики и паремии как единицы языка. С одной стороны, лингвистический взгляд на паремию как единицу определенного уровня сменил психосемантический угол зрения: паремию, как и любое языковое средство, сегодня можно и нужно рассматривать в процессе общения в качестве формального «посредника», с помощью которого осуществляется процесс коммуникации. При этом человек, использующий именно это средство общения, добавляя его к имеющейся системе значений («основных когнитивных (познавательных) единиц, формирующих

образ мира человека»¹³), получает новые осмысленные тексты, сообщения.

С другой стороны, интерес психолингвистики к целостным, связным, осмысленным текстам только укрепляет позиции паремии в сфере психолингвистики. Общелингвистическая сущность паремии трактуется нами в соответствии с принятой ведущими паремиологами терминологической традицией (В.М. Мокиенко, М.Ю. Котова, Е.И. Селиверстова и др.): паремия – минимальный текст, состоящий из одного или нескольких предложений с определенной структурой и лексическим составом. В данном случае термин *паремия* синонимичен «нелингвистическому» термину *пословица*, которым дефинируется микротекст с содержанием – законченной мыслью.

Оба тезиса глубоко символичны для паремии как явления психолингвистического порядка. Во-первых, паремии когнитивны по своей сути – это духовно-нравственное мировое культурное наследие, уникальное «зеркало» мироустройства, средоточие базовых концептов, выражающих национально-идейное обобщение. В понимании концепта мы присоединяемся к точке зрения Г.С. Воркачева, согласно которой концепт – единица коллективного знания (сознания), отправляющая к высшим духовным ценностям, отмеченная этнокультурной спецификой, имеющая языковое выражение¹⁴.

Во-вторых, паремия функционирует в речи, говорится по какому-либо случаю, но всегда имеет обобщенный смысл. Особое свойство паремии заключается в том, что она является текстом, основанным на закреплении древнейших ситуаций, переносе и расширении этих ситуаций на другие случаи жизни. Фактически текст пословицы является одновременно интертекстом в любом другом тексте. Интертекстуальность – одна из фундаментальных черт паремии. Будучи «способом объективации концептов», интертекстуальность вписывает текст пословицы в «макротекст культуры»¹⁵, тем самым обеспечивая пословице бессмертие с точки зрения исторической перспективы (интертекстуальность, вслед за исследователями текста И.П. Смирновым, О.П. Воробьевой, М.Б. Ямпольским, рассматривается нами как одно из свойств текста наряду с другими (связностью, цельностью, законченностью, информативностью и т. д.) или даже как следствие текстуальности).

В приведенных фактах мы видим примеры органичного включения паремиологических текстов в готовую структуру, которая обогащается и обновляется за счет привлечения нового средства общения: *«Сельское хозяйство – естественная система, исключаящая подделку. Вы платите – и получаете по деньгам. Что посеешь, то и пожнешь. Никакого очковтирательства»* (С. Кови *«Семь навыков преуспевающих людей»*);

– *Молодым сейчас некогда думать о детях – на хлеб бы заработать.*

– Да. Но если рожать и денег не будет, надо подработку искать или половину рабочего дня, хотя не должно денег не хватать, даст Бог зайку, даст и лужайку, и денег даст... (из разговорной речи). (О примерах подобных «фольклорных реминисценций» в речи как «специфическом риторическом приеме», «тексте в тексте» см.¹⁶).

Наконец, третий момент, который обнаруживает интерес психолингвистики к единицами языка, связан с проблемой «понимания и четкого разграничения того, что в ее аппарате (лингвистики – Л.К.) действительно универсально (применимо ко всем языкам без исключения), а что справедливо лишь для языков определенного типа, определенной структуры»¹⁷. Применяя этот тезис к решению поставленной задачи о взаимодействии психолингвистики и паремии, мы подходим к «одному из кардинальных вопросов когнитологии – вопросу о квоте национального и интернационального в паремиологическом фонде каждого языка»¹⁸, той проблеме, которая ждет своего решения на теоретическом уровне.

Таким образом, изучая психолингвистическую природу паремии, мы пытаемся расширить границы исследования, дополняя знания о паремии – единице языка и материале исследования – утверждением о том, что все в языке, в том числе и паремия, имеет психолингвистический статус. В соотношении с сущностными вопросами психолингвистики мы рассматриваем паремию как факт языкового сознания, факт «антропоцентрической лингвистической эпохи», который есть «всегда результат выбора из массы окружающих событий события, имеющего ... значение»¹⁹.

¹ Кубрякова Е.С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Вестник ВГУ. 2001. Вып. 1. С. 9.

² Караулов Ю.Н. Когнитивные размерности языкового сознания // Славистика: синхрония и диахрония. Сб. науч. ст. к 70-летию И.С. Улуханова / под ред. В.Б. Крысько. М.: Азбуковник, 2006. С. 14.

³ Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. 4-е изд., стер. М.: КомКнига, 2007. С. 106

⁴ Мокиенко В.М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. 2010. № 3. СПб.: МИРС, 2010. С. 11.

⁵ Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. 4-е изд., стер. М.: КомКнига, 2007. С. 109.

⁶ Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. 4-е изд., испр. М.: Смысл: Академия, 2005. С. 19.

⁷ Там же.

⁸ Psycholinguistics // The New Encyclopaedia Britannica. V. 9. Chicago, 1994. P. 762.

⁹ Там же. С. 762.

¹⁰ Garman M.A. Psycholinguistics: Overview // The Encyclopedia of Language and Linguistics V. 6: Pac to Qur / Ed. by R.E. Asher, J.M.Y. Simpson. Oxford et al.: Pergamon, 1994. P. 3395–3396.

¹¹ Там же. P. 3395.

¹² Skovel T. Psycholinguistics. Oxford, 2001. P. 4–5.

¹³ Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. 4-е изд., испр. М.: Смысл: Академия, 2005. С. 23.

¹⁴ Лингвокультурный концепт: типология и области бытования / под ред. С.Г. Воркачева. Волгоград, 2007. С. 5.

¹⁵ Андреева С.Л. Интертекстуальность как способ активации концептов // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: сб. докл. междунар. науч. конф. / ред.-сост. С.Г. Шулежкова. Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003. С. 45.

¹⁶ Лютикова В.Д. Языковая личность и идиолект. Тюмень, 1999. С. 77.

¹⁷ Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. 4-е изд., испр. М.: Смысл: Академия, 2005. С. 24.

¹⁸ Мокиенко В.М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. 2010. № 3. СПб.: МИРС, 2010. С. 14.

¹⁹ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1999. С. 304.

Поступила в редакцию 29 сентября 2011 г.